ТАТЬЯНА ЛЕВАНОВА

СКВОЗНЯКИ

ЛЕДЯНОЙ РЫЦАРЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Л34

Серия «Сквозняки между мирами»

Разработка серийного оформления
Марины Акининой

Леванова, Татьяна Сергеевна
Л34 Сквозняки. Ледяной рыцарь / Татьяна Леванова.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 318 с.— (Сквозняки между мирами).

ISBN 978-5-17-113847-9

Путешествуя сквозь миры Великой спирали, Маша Некрасова попадает в мир принцесс и рыцарей, таинственных замков и загадочных существ. А роль венценосной особы благородного рода Гривастых как никогда привлекает Машу своей необычностью и богатством...

Зов Ледяного рыцаря заставляет девочку вспомнить о своей миссии. Кого ей нужно спасти и как снять проклятие ледяной кости?

Маше предстоит встретиться с дикушками, снежными волками и домашней нечистью, противостоять чудовищу и летающему змею, познакомиться с умшастыми ежами и стать ученицей лекаря... Но как уцелеть, когда по следам движется кровожадный колобок?..

© Татьяна Леванова, 2019
© Татьяна Веряйская, рисунок на обложке, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1
Чужая жизнь сладка...

Тепло, тепло, теплота без пощады, сонная, тихая, скучная теплота, теплый чай, теплый суп, теплое одеяло, надоевшая до последней мелочи комната, ромашковый настой, шерстяной шарф. Жмурится спросонок потолок в белых узорчатых плитках, зевают поп-звезды на постерах, мельтешат в глазах голубые цветы на обоях, лениво развалились книги на полках. Все давно знакомо, как лица домашних, неинтересно, как выключенный телевизор... Уже две недели Маша лежит в постели, и ей до смерти надоело болеть.

— Диазолин, анаферон, амоксилин, мукалтин, интерферон, фарингосепт, нурофен,— это не ведьма в соседней комнате читает заклинания плаксивым, раздраженным голосом, это мама перечисляет папе, что пришлось выпить Маше за последнее время.

— Милая, не спорь со мной, я педиатр, мне лучше знать, что назначать, через мои руки прошло много детей...— папин голос гудит за стеной растерянно и немного обиженно.

— Не надо! — останавливает его мама.— Не надо рассказывать мне о твоих пациентах! Это мой ребенок, и я больше не позволю пичкать девочку химией.

— Не надо бояться химии, словно какой-то дикарь с дубиной,— возражает папа.— И в тебе, и во мне, и в Маше постоянно происходят химические процессы. Курс антибиотиков окончен, отек с горла начинает спадать, опасность позади. Намного больший вред для Маши представляют всевозможные разрекламированные панацеи и народные средства, которые помогли мужу соседки и пуделю тетушки, но неизвестно, как скажутся на нашей девочке.

— Я, по крайней мере, не превращаю ее в фармацевтическую бомбу,— с достоинством отвечает мама, входя в Машину комнату с миской в руках. Опять что-то теплое, с тоской замечает девочка и со вздохом отворачивается к окну, такому прекрасному — покрытому ледяными стрелками, за которым скованные морозом сверкающие улицы, где идет совсем другая жизнь... Приближается Новый год. Кто-то украшает елку — девочка попыталась вспомнить запах хвои и не смогла, в комнате пахло ромашкой и эвкалиптом. Кто-то заворачивает подарки в хрустящую бумагу. Кто-то собирается на вечеринку. Какая-нибудь девочка, к примеру Светка Новоруссова, выбирает одежду поярче, рисует на ногтях цветы гелиевой пастой, напевая при этом. И только Маша лежит под одеялом, слушает бесконечные споры родителей о том, как и чем ее лучше лечить...

— Ну вот опять, что у тебя в миске? — допытывается папа.— Только не говори, что кашка.

— Это пюре. Банановое, с сахаром, разогретое на водяной бане,— объясняет мама, нервно помешивая в миске.— Между прочим, превосходное народное средство от кашля, простуды и...

— Прости, какая народность лечится бананами? — удивляется папа.

— Африканская,— неуверенно отвечает мама.

— Прекрасно! В жаркой-жаркой Африке все просто мучаются от бесконечных простуд и лечатся только бананами!

— Мама, я сама могу поесть,— Маша приподнимается и отнимает у мамы ложку, когда та пытается ее кормить, как маленькую. Мама нехотя отдает миску. Девочка, задерживая дыхание, с омерзением глотает слизистую сладкую гадость. Бедные африканцы, вынуждены лечиться банановым пюре...

— Постой, не глотай, пережевывай хоть немного, так же никакой пользы! — пугается папа.

— Ага, значит, польза от бананового пюре все-таки есть! — ловит его на слове мама.

— Намного лучше было бы приклеить на грудь перцовый пластырь. Ты лечишь ее не тем, неудивительно, что болезнь...

— Это ты лечишь ее не тем, она коркой скоро покроется от всех твоих таблеток! — возмутилась мама.— Нет, бабушкины средства самые надежные!

— Молчать! — в шутку прикрикнула на них Маша, догадавшись, что сейчас спор снова пойдет по кругу. Но, так как горло у нее было еще опухшим, веселого окрика не получилось. Родители вздрогнули от сиплого

баса дочки.— Лечите не тем, не так, и не ту, видимо? Я уже не я, может быть? Не Маша Некрасова?

— Ты там помалкивай,— сдвинул брови папа.— Мала еще рявкать!

— Надоело слушать, как вы ругаетесь!

— Мы не ругаемся, мы спорим,— неожиданно на сторону папы встала мама.— Спорим, потому что ищем, что для тебя будет лучше.

— А мое мнение почему не спрашиваете? Я думаю, ничего плохого в лекарствах нет, лучше бы, конечно, вообще ничего не принимать...

В ответ мама фыркнула, а папа покачал головой и сказал:

— Как тебя лечить, уж позволь нам с мамой решать, ты еще школу не закончила, ничего в жизни не сделала...

— Но я!..— Маша закашлялась.

— От тебя пока никто ничего не требует,— мягко вмешалась мама.— Учись, подрастай, у тебя все впереди, только не спорь со взрослыми...

— И не встревай со своим мнением, потому что оно у тебя не слишком компетентное...

— Выходит, я дура, потому что ребенок?! — опешила Маша.

— Я больше не могу,— мама забрала у дочки миску и поднесла ее ко лбу, этим жестом словно жалуясь на мигрень.— Лежит с высокой температурой, я с ума схожу, все прислушиваюсь по ночам, как она тяжело дышит, а чуть только отек с горла стал спадать, она начинает права качать!

Мама пересекла быстрыми шагами комнату и вышла за дверь.

— Я просто хотела, чтобы вы не ссорились, то есть не спорили...— растерялась девочка.— Вы все время требуете, чтобы я слушалась, а сами...

— Мы родители, взрослые люди, а ты еще ребенок,— авторитетно заявил папа.— Лежит тут, принцесса, капризничает, повелевает, а мы хороводы вокруг водим, бананы ей в пюре трем, чего еще изволите, ваше высочество?

— Была бы я принцесса, лежала бы во дворце, в роскошной кровати, вся в золоте и брильянтах, а хороводы бы водили слуги,— попыталась пошутить Маша, но папа не был настроен на веселье.

— У меня был трудный день, на моем участке несколько десятков больных мальчиков и девочек, а дома ты всех изводишь своим упрямством! Лишь бы поспорить! Тебя бы на мое место, пожила бы моей жизнью...

Папа тоже вышел за дверь, не пожелав спокойной ночи, через несколько мгновений Маша услышала, как он говорит маме:

— На ночь дашь этой принцессе одну таблетку диазолина, одну парацетамола и одну фарингосепта. Сегодня, возможно, удастся выспаться: раз наша вредина начала бушевать, скоро пойдет на поправку. И никакого сахара, он понижает иммунитет...

Маша села на кровати, обхватив колени руками, на глаза наворачивались слезы обиды, и, чтобы не расплакаться, она принялась смотреть на окно, искристо-

голубое от света фонаря. Принцесса, вредина, мала еще свое мнение иметь... Просто режут по больному. Это дома она непослушная дочка, а в других мирах... Рукой Маша сжала кристалл — кулон из горного хрусталя на шнурке, после своего последнего путешествия она не снимала его, потому что поняла — судьба не бросит ее на ту миссию, которую она не смогла бы выполнить. Теперь ей даже было интересно, когда и куда она отправится, с этой целью девочка постоянно держала в карманах своей кожаной куртки с вшитой в нее броней из драконьей стали бутылку воды, запас шоколада с орехами, фотографию родителей, ножницы, спички и шапочку колокольцев с синим фонариком, который всегда указывал верный путь. В какой бы мир она ни попала, куртку можно было вызвать одним щелчком пальцев. Но сейчас даже мысль о том, что она — Сквозняк, путешествующий сквозь миры Великой спирали, не принесла Маше Некрасовой утешения. Да, это, конечно, здорово — знать, что ты способна влиять на события, преображать, изменять, спасать другие миры, что в любой момент могут начаться увлекательные приключения, полные опасностей и чудес. Что после них особенно приятно возвращаться домой, решать собственные проблемы, и уже учеба в школе кажется не такой трудной, и с друзьями проще общаться после того, как улаживаешь конфликты в других мирах, и на замечания родителей реагируешь уже не так болезненно, ведь они многого о тебе не знают... Но даже такая интересная жизнь может надоесть.

Маша достала из прикроватной тумбочки карманное зеркальце и посмотрела на свое отражение.

— Я устала от самой себя,— пожаловалась она вслух.— Хорошо маме, она может перекрасить волосы, уехать куда-нибудь далеко-далеко... А мне хочется хотя бы раз побыть кем-то другим, в самом деле, как говорит папа, пожить чужой жизнью. Как это интересно! Оказаться кинозвездой, к примеру, сниматься в кино, вживаясь в роль. Или фотомоделью. Или байкером. Нет, это все еще легко себе представить, я бы хотела что-то более необычное, то, чего не может быть. Например, стать героем с мечом в руках из приключенческого романа, скакать на лихом коне, сражаться с чудовищами. Или стать колдуньей, варить снадобья, произносить заклинания. А еще лучше — принцессой в сказочном замке, носить роскошные платья, раскрыть зловещий заговор...

— Видимо, ты и в самом деле выздоравливаешь,— улыбнулась мама, входя в комнату с блюдцем в руках.— Мечтаешь, в зеркало смотришься. Зря, значит, я переживаю?

— Конечно, зря, мамочка,— смущенная Маша спрятала зеркало под одеяло, оно отзывалось прохладой в ее руке.— Я же говорю, не надо меня лечить, сама выздоровею. Скажи, а ты бы хотела быть кем-то другим? Не воспитателем, не мамой, а совсем другим человеком, просто попробовать?

— Шутишь, я только об этом и думаю, особенно когда ты начинаешь выступать или дети в группе не слушаются,— грустно пошутила мама, передавая девочке

таблетки.— Вот тебе сюрприз, только тихо, чтобы папа не слышал.

— Следочки! — шепотом возликовала Маша и схватила с блюдца плоский коричневый кружочек из жженого сахара. Мама виртуозно делала их по бабушкиным рецептам, добавляя в леденец травяные настои, мятное или анисовое масло, она считала их лучшим народным рецептом от кашля.

— Тише, тише,— улыбнулась мама, нагнулась, поцеловала дочку и пошла к двери выключить свет.

Маша лежала в постели, перекатывала во рту леденец, теребила в руках зеркальце, изучая его на ощупь, а сама думала, как же сильно ей хочется покинуть надоевшую кровать и попробовать пожить чужой жизнью, а лучше — несколькими. У всех есть свои трудности, она в этом не сомневается, но чужие проблемы решать несложно, ей так казалось по ее опыту Сквозняка. Намного легче бросить все свои силы на распутывание клубка бедствий другого мира, чем помирить родителей или попросить учителя исправить тройку по геометрии...

Мама бродила по комнате, проверяла, плотно ли закрыты окна, почему-то от них сильно дуло. Звякала посудой на тумбочке, поправляла одеяло, все ходила и ходила.

— Пожить другой жизнью...— шепотом начала рассуждать Маша.— Папа сказал — принцесса, какое слово противное, так и представляешь себе что-то цаплеобразное, с длинным носом, жутко капризное, ноющее. Надо придумать другое слово. Например, от

слова корона — коронелла, коронесса. Хотя ведь есть король, королева, королевна. Или...

— Венцесса! — подсказала ей мама, стоя в ногах кровати. Маша видела в полумраке только ее стройный силуэт.

— Точно, венцесса, от слова «венец»! — обрадовалась девочка.

— Тебе нужно что-нибудь?

— Пить хочу.

Стакан звякнул о кувшин, что-то булькнуло. Девочка глотнула и сморщилась — вместо сладкого морса мама дала ей обычной холодной воды. Мама подождала, пока Маша напьется, потом забрала стакан и потрогала лоб девочки. Тяжелый рукав с рельефной вышивкой упал ей на лицо, от него пахло пылью и карамелью.

— Лоб холодный, полагаю, до утра тебе ничего не понадобится. Я пойду отдыхать.

— Конечно,— ответила Маша.

Мама, шурша длинным, до пола, халатом, направилась к темнеющему дверному проему. Машу что-то смущало, не то в маме, не то в комнате, но в темноте все всегда выглядит не так, как обычно.

— Да, постарайся не покидать комнату до утра,— обернувшись, посоветовала мама.— Слуги все равно все спят, горшок ты найдешь под кроватью. Утром тебе принесут завтрак, не волнуйся. Спокойной ночи.

— Ага,— растерянно отозвалась девочка. Глаза ее все больше привыкали к темноте. Какой горшок под кроватью? Неужели она до туалета сама дойти не в состоянии? А к чему эти шуточки про слуг? Если бы папа

сострил, она бы еще поняла, но мама... И вообще, откуда у них в доме горшок?

Чувствуя нарастающее беспокойство, Маша сунула зеркало под подушку и скатилась с кровати, едва не упав при этом. Мало того, что кровать показалась ей выше, чем всегда, так еще и пол был ледяной, отчего пальцы ног моментально свела судорога. Маша опустилась на колени, едва не плача от боли, руки ее наткнулись на плоские, волосатые шлепанцы. Растерев ноги, девочка надела шлепанцы и встала, забыв посмотреть на горшок. Ее волосы развевались от ледяного ветра. Но мама ведь только что проверяла, хорошо ли закрыты форточки? Маша повернулась к окну.

Из двух узких высоких окон в лицо ей ветер бросил горсть снежинок. Вместо фонаря и соседнего дома за окном простиралась стена, зубчатая, как в Кремле, а за ней — пустынное белое поле с чахлыми одинокими елками на нем.

— Мама! — закричала девочка, бросилась к двери, но ее не было. Вход был занавешен плотным ковром, на ощупь угадывалась грубая вышивка. А за ним — длинный каменный коридор, в котором потрескивали факелы на стенах и гулял сквозняк.

Девочка остановилась, прижав руки к сердцу — только что мама была здесь, может, она прошла дальше по коридору, удивляясь и не понимая, как и Маша? Но стоило ей сделать несколько неуверенных шагов, как вдруг раздался страшный звериный рык, похожий на тигриный.

Опрометью девочка бросилась обратно в комнату, ударилась о белеющую в темноте холодную изразцовую печь, запнулась о сундук, нырнула в кровать под одеяло.

«Если там и вправду зверь, а двери нет, одеяло меня не спасет!» — вдруг поняла Маша. Зуб на зуб у нее не попадал не то от холода, не то от страха. Она поспешно щелкнула пальцами, приманивая к себе куртку с броней, спросила у привязанной к пуговице шапочки колокольцев, где мама. Синий луч озарил незнакомую комнату, но обвился вокруг Маши, никуда не направляясь. Мамы здесь не было.

Из-за ковра вновь послышался звериный рык и жуткое, душераздирающее мяуканье. Не гадая, что бы это могло быть, девочка спряталась в единственное, как ей показалось, надежное укрытие — сундук. Он наполовину был заполнен какими-то жесткими тряпками. Маша свернулась на них клубочком и захлопнула крышку.

Леденец из жженого сахара, сделанный маминими руками, все еще таял у нее за щекой. Девочка подумала об этом, и слезы обожгли ее глаза, она еле сдерживала рыдания, зажимая рот рукой, чтобы нечаянным звуком не привлечь к себе неведомое чудовище.

«Переместилась,— горько подумала она.— Взяла в руки зеркало и оказалась в другом мире, босая, в одной ночной рубашке, с больным горлом. А мама-то и не знает...»

Глава 2
Задушиху вылечат бульоном

Маша плакала в сундуке, пока не уснула. А разбудили ее женские голоса.

— Нет тут ничего.

— А чего ты ждала?

— Чего-нибудь. Чего-то надо было ждать.

— Глянь на кровать...

Диалог не показался ей странным, потому что девочка подумала, что он ей только снится. Все тело затекло от неудобной позы. Маша попыталась потянуться, но уперлась в деревянные стенки. Открыла глаза — темно.

— А-а-а! — от испуга завопила девочка.— Замуровали! Заживо закопали!

Кто-то подхватил крик над ее головой, а через несколько секунд крышка распахнулась, и девочку буквально выдернул из сундука и поднял над своей головой дядька в пузатом железном жилете, по которому Маша тут же гулко забарабанила ногами.

— Пре-кра-а-а-тить! — рявкнул дядька.

Девочка замолчала, с интересом оглядывая того, кто ее держал. У него было совсем не злое лицо. На голове отороченная мехом железная шапка со спицей посередине, к жилету приделаны меховые рукава, остальное Маше было не видно. Рядом стояли две перепуганные женщины в одинаковых полосатых юбках, одна молодая, лет на десять старше Маши, вторая — пожилая. В комнату сквозь узкие окна проникали лучи бледного зимнего солнца, высвечивая желтые подсолнухи, вышитые на тускло-красных коврах, закрывавших каменные стены не хуже обоев, бело-сине-зеленые изразцы печи, инкрустированные перламутром деревянные столбики старинной красивой кровати.

— Успокоилась? — буркнул стражник, ставя Машу на пол.— Неча головой вертеть. С людями поговори сначала!

— Доброе утро,— упавшим голосом поздоровалась Маша. Она вспомнила вчерашнюю ночь и со страхом оглянулась на ковер, скрывавший выход в коридор.

— Доброе. Чего ты в сундуке сидела? Зачем доспех напялила? — напустились на девочку с вопросами люди. Почему-то никого не интересовало ни как ее зовут, ни что она делает в этой комнате.

— Тут ночью зверь в коридоре рычал какой-то,— дрожащим голосом ответила Маша.— Я испугалась.

— Есть чего бояться,— заржал дядька.— Тетя твоя...

Он осекся, потому что старшая из женщин ткнула его в железный бок, потом продолжил: